О.Д. Минаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: olg-minaeva@yandex.ru

«ПЕРО ОТСВЕЧИВАЕТ ВОЕННОЙ СТАЛЬЮ». «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» О ПИСАТЕЛЯХ НА ВОЙНЕ (1941—1945 гг.)

В статье анализируется содержание «Литературной газеты» в 1941—1945 гг. Тема статьи — «писатель на войне». Рассмотрен большой массив публикаций, в которых известные советские журналисты и писатели обсуждали, что и как нужно писать о войне.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, история советской журналистики и литературы, «Литературная газета» в 1941—1945.*

The article contains an analysis of content of "Literary newspaper" in 1941—1945. The subject of article is "Writer during the war". Many different publications were considered. The famous soviet writers discussed what and how it is necessary to write about the war.

Key words: *The Great Patriotic War, the history of the Soviet periodicals and literature, "Literary newspaper" in 1941—1945.*

Великая Отечественная война стала важнейшим событием в жизни большинства советских писателей. Очевидно, что традиционное содержание собственно литературных изданий, таких, как «Литературная газета»[1], с началом войны сразу стало малозначительным. Потеряли актуальность литературные споры, борьба литературных направлений. Члены Союза писателей приняли посильное участие в войне. Уровень их мастерства, по сравнению с основной массой журналистов, был значительно более высок, поэтому с их помощью освещение войны в центральной гражданской и военной печати поднялось на иной качественный уровень.

В первые же дни войны в дивизию народного ополчения вступили 82 члена и кандидата в члены Московской организации Союза писателей. Из писателей-москвичей сформировали отдельную роту. Командовал ротой молодой аспирант МГУ Ясунский. Среди его подчиненных было немало пожилых писателей. Например, П. Бляхину было тогда около 60 лет, и он специально побрился наголо, чтобы не было видно его седых волос. Более 200 московских писателей ушли сражаться с врагом [Антипина, 2005, с. 214—216].

[1] Выпуск «Литературной газеты» был приостановлен в конце октября 1941 г. С 1 января 1942 г. стала выходить «Литература и искусство» — газета Союза писателей, а также Комитетов при СНК СССР — по делам искусств и по делам кинематографии. Перерыв в издании «Литературной газеты» длился 3 года — с 7 ноября 1944 г. ее выпуск возобновился.

Однако большинство столичных литераторов в 1941 г. были эвакуированы. 700 писателей и членов их семей отправились в эвакуацию еще летом, не менее 100 писателей покинули Москву самостоятельно, примерно 270 человек было эвакуировано в середине октября — такие цифры приводит секретарь Союза писателей А.А. Фадеев в Объяснительной записке в ЦК партии 13 декабря 1941 г. Собственно эти же цифры фигурируют в разных публикациях, посвященных писателям[2]. По приводимым В.А. Антипиной сведениям, на 25 июня 1942 г. в Москве насчитывалось 333 писателя:

Таблица 1

Распределение писателей на 25 июня 1942 г.

В рядах РККА	38
На ответственной и партийной работе	5
Прикреплены к постоянной работе	44
Научные работники, профессора	31
Больные и престарелые	23
Переводчики с иностранных языков	15
Находятся не на постоянной работе	75

Из таблицы [там же, с. 216] трудно понять, сколько именно московских писателей трудились в тылу и на фронте. Конечно, они старались выполнять посильную работу и в Москве, и в эвакуации, терпя голод и холод, как и весь советский народ. Известно, например, что с самых первых дней войны чрезвычайно активно работала М. Шагинян. За один месяц она написала: «...1) для Балтфлота — стихи и статью; 2) для радиовещания — 3 статьи; 3) для Информбюро — 2 статьи; 4) для «Красной Звезды» — 1 статью; 5) для «Учительской газеты» — 1 статью; 6) для «Нового мира» — 1 статью» [там же]. Но те писатели, которым позволяли возраст и здоровье, пошли на фронт.

С практической точки зрения, перед литераторами возникло несколько первостепенных задач. Необходимо было поднять моральный дух бойцов, помочь им преодолеть страх перед сильным и жестоким врагом. Требовалось находить и ярко, в доступной, понятной форме подавать примеры героизма и мужества солдат и офицеров. Меткое, образное слово в те грозные годы ценилось ничуть не меньше, чем танки, пушки и самолеты. Как пелось в песне,

[2] «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 68—69.

«с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом», многие писатели и журналисты военной поры не отсиживались в тылу, а неделями не покидали переднего края, разделяя с бойцами все тяготы и опасности войны. Под пулями, в перерывах между обстрелами и бомбежками шел творческий процесс — осмысление и художественное отображение чувств и мыслей воюющего народа. Необходимо было зафиксировать множество разрозненных фактов, записать рассказы непосредственных участников событий, а также положить на бумагу собственные впечатления. И потом, не откладывая дела в долгий ящик, придать этому бесценному богатству надлежащую литературную форму. У военных журналистов, а это в большинстве своем члены Союза писателей, тема войны осталась лейтмотивом всего творчества. И если творческое наследие Б. Горбатова, В. Гроссмана, И. Эренбурга, К. Симонова и других ярких литераторов того времени несет в себе многочисленные приметы тоталитарной эпохи, то их военная публицистика стоит особняком по искренности, силе выражения и достоверности.

О «почетной роли агитаторов и пропагандистов» в тылу подробно пишет анонимный автор передовой статьи «Все для победы» в «Литературной газете» 13 июля 1941 г.: «Оружие литератора — слово, острое, как штык красноармейца, меткое, как снайперская пуля. На вооружении нашей литературы должны поступить боевые песни, которые воодушевят идущие в атаку красноармейские полки, рассказы о красных воинах-героях, пьесы для театральных походных бригад, стихи, воспевающие доблесть и мужество бойцов и командиров, бичующие подлого и коварного врага. В “Окнах ТАСС” уже появились короткие, как штыковой удар, сатирические стихи. Почин сделан...

Оттачивайте перо, товарищи поэты, прозаики и драматурги!.. В эти дни писатель обязан быть трибуном и чернорабочим печатного и устного слова...»

Такого рода передовые статьи с анализом успехов и недостатков пропагандистской работы литераторов в тылу появлялись достаточно часто: 13 августа, 10 сентября, 1 октября 1941 г. В них писателей хвалили за выпуск вместе с художниками «окон ТАСС», за частые выступления на радио, за выпуск сборников боевых стихов, публицистических статей.

В.А. Антипина отмечает, что по сравнению с «Окнами РОСТА» в «Окнах ТАСС» был более сложный текст: не только короткие подписи под плакатами, но и произведения более высоких жанров — фельетоны, баллады. Среди постоянных авторов текстов — Д. Бедный, С. Кирсанов, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Щипачев, А. Жаров. В работе принимали участие М. Алигер, Н. Адуев, А. Раскин, М. Слободской, П. Антокольский, М. Шульман, А. Машинистов.

редакционную работу осуществляли художественный руководитель П. Соколов-Скаля и литературный — А. Кулагин.

«Для поднятия боевого духа сатирические стихи печатали тогда даже на обертках продуктов. Их писали многие известные наши поэты, например С. Маршак. На упаковках пищевых концентратов можно было прочитать:

— Посмотри — у русских каша,
Будем кашу есть!
— Извините, наша каша
Не про вашу честь.

Маршаку принадлежало и такое обращение к красноармейцам:

Бойцу махорка дорога.
Кури и выкури врага» [там же, с. 215]

В секретном донесении секретарю ЦК партии Г.М. Маленкову о Пленуме Союза писателей в 1944 г. есть такой фрагмент: «Весьма резкой критике подверг Б. Горбатов работу Союза советских писателей, который заявил, что Союз в современном его виде перестал быть творческой организацией, а Президиум Союза превратился в бюро по распределению продовольственных карточек и промтоварных ордеров...»[3]. Оттенок бюрократического стиля работы Союза писателей прослеживается также в публикациях «Литературной газеты», он имел место даже в самые первые месяцы войны.

«Только будет крепче и метче слово, добытое из огня»

22 июня 1941 г. на митинге поэт И. Уткин сказал: «...Задачи писателя — это задачи Родины. Наша организация должна также перестроить свою работу, чтобы каждый литератор, перо которого отсвечивает военной сталью, был в боевом строю». Много важных направлений деятельности было у литераторов в этот момент, но опаснее всего, почетнее и важнее для собственного творческого роста была работа на фронте. По-видимому, главным фактором в выборе фронт или тыл было желание самого писателя. Возраст, национальность или состояние здоровья в этом вопросе явно не были определяющими. Работа в газетах военной поры — превосходная школа для каждого литератора, развивавшая их таланты и умения.

Обычно содержание периодического издания довольно быстро устаревает и не представляет особого интереса для читателей спустя неделю, месяц, что уж говорить про годы. Но военная газетная журналистика не просто источник сведений для историка, это еще и история становления, развития человеческой души.

[3] Д.А. Поликарпов — Г.М. Маленкову // Там же. С. 109.

С первых дней войны определились главные темы, которые впервые зазвучали именно на страницах газет, а потом уже стали ведущими и для литературы. Это патриотизм, образ Родины и героизм людей, защищающих свою землю, семью, родной дом. Это образ жестокого врага, воспитание ненависти, необходимой для его уничтожения. В первые же дни войны появились произведения о войне. Это стихи А. Суркова, Н. Асеева, В. Лебедева-Кумача и других поэтов. Это статьи А. Толстого «Что мы защищаем?» в «Правде», «Гитлеровская орда» и «Париж под сапогом фашистов», публикации И. Эренбурга в «Красной Звезде».

Постепенно каждый из писателей "специализировался" на определенном тематическом направлении: И. Эренбург — антифашистская тема, К. Симонов — образ Родины и общность, единение советских людей, А. Толстой — исторические традиции и слава русского оружия, сила русского характера, Б. Горбатов, Б. Полевой, В. Гроссман и другие литераторы писали о подвиге солдата, вершинах человеческого духа, несгибаемой стойкости советских людей. Конечно, это деление очень условное, у каждого из военных писателей можно найти практически весь спектр важных тем, но все же были у них свои любимые темы, каждому было присуще свое видение войны. И лучших литераторов и журналистов объединяли стремление к строгой достоверности, документальности, высокий гражданский пафос, не вытеснявший глубокую лиричность в рассказе о простом солдате, этом беззаветном труженике войны.

Писатели создавали летопись военных сражений, горьких поражений и отступления первых месяцев войны, первых побед — под Москвой и Сталинградом, победоносного продвижения на Запад. Все эти этапы великой войны советского народа отражены не только в сводках, но и в заголовках газетных публикаций. В первые месяцы войны — «Выстоять», «Нас не одолеть», «Остановить». Затем, когда, наконец, армия переходит в наступление: «Великое наступление», «Дорогами победы», «На Берлин» и т.п.

Газетные страницы сохранили для нас не только историю военных подвигов людей 1940-х гг., но и их сугубо личных, интимных переживаний. Стихи о любви, верности, чести оказались очень востребованы в газетах военной поры. Их вырезали, чтобы наклеить в тетрадки и альбомы, бережно переписывали, трепетно хранили. Писатели и поэты очень точно и эмоционально отразили эту сферу жизни своих современников. Война создала сложнейшую ситуацию для литераторов, стала ведущей темой советской литературы на многие годы.

«Литературная газета» старалась чаще писать о том, как работают и воюют писатели на фронте. Быстрее всех там оказались те,

кто пошел в ополчение. Интересна заметка А. Дорохова[4] из Ленинграда, опубликованная 13 июля 1941 г. Он так описывает работу ополченцев: «Разбившись на бригады, литераторы взяли на себя выпуск «Боевых листков». Поэты здесь же пишут новые стихи, очеркисты дают живые зарисовки военных будней, критики старательно правят заметки бойцов. Находятся новые слова, люди овладевают новыми для них жанрами. Писательские блокноты заполняются новыми записями. Ведь об этих суровых днях придется написать много замечательных книг».

В первые месяцы войны особенно важно было обнародовать удачные примеры работы литераторов на фронте. Ведь многие формы пропагандистской работы рождались спонтанно, политотделы в воинских частях формировались из новых сотрудников, и опыт был очень важен для всех. Несколько раз встречаются репортажи и очерки от собственных корреспондентов газеты на фронтах с одинаковыми заголовками «Писатели на фронте»[5].

В них описывается, как А. Сурков читает только что написанные стихи, В. Ставский пишет очерк, «стихи, очерки печатает неугомонный К. Симонов, в постоянных поисках интересных встреч и людей». Отмечается «боевая» писательская работа М. Шолохова, А. Толстого, И. Эренбурга, В. Лебедева-Кумача, Я. Купалы, Я. Коласа, С. Маршака, В. Кожевникова и других. Их статьи, политические памфлеты, очерки и стихи «наполнены священным гневом, страстной ненавистью к подлому врагу, метко и беспощадно разоблачают и бичуют его зверскую сущность» — писала «Литературная газета» 13 июля 1941 г.

В репортаже из редакции газеты «Красноармейская правда» корреспондент В. Попов рассказывает о том, как развиваются дарования писателей на войне. «Писатели пишут передовые статьи и придумывают “шапки” с такой же страстностью, с какой создают стихи, очерки, рассказы. Ц. Солодарь написал оригинальную передовую, адресованную одному красноармейцу и похожую на стихотворение в прозе. А. Сурков славится как мастер “шапок”... Морис Слободской, писавший до войны совместно с Раскиным лишь фельетоны, развернулся во всю ширь таланта. Он пишет передовые, стихи, басни... М. Матусовский до войны долгое время занимавшийся русской литературой XIX века... в первые же дни войны ушел работать во фронтовую газету... “Сейчас я сроднился с газетой” — говорит он... Был ранен, в госпитале написал цикл стихов, потом вернулся работать в газету». «Бойцы и командиры встречают

[4] Литературная газета. 1941. 13 июля. № 28.

[5] Там же. 30 июля. № 30. Автор — Е.Садовский; 24 сент. № 38; Литература и искусство. 1942. 1 янв. № 1. С. 4. Автор — З. Шапиро; 26 янв. № 4. С. 2. Автор — Юр. Либединский; 23 мая. № 21. С. 1. «Писатели в дивизионной газете» и др.

писателей на передовой не как гостей, а как участников великой битвы. Писатели-фронтовики пишут словом, обожженным, закаленным в боях, потому что

Только будет крепче и метче
Слово, добытое из огня (А. Сурков)[6].

Интересные фотоматериалы публиковала «Литературная газета» — они тоже вписываются в тему «писатели на фронте». Фотография походной типографии красноармейской газеты «Боевой поход», сделанная фотохроникой ТАСС, небольшая и не очень хорошего качества, но важная для раскрытия этой темы[7]. В разных номерах опубликованы фотографии писателей Л. Славина, М. Светлова, Н. Богданова, Б. Бялика, И. Чикина, С. Бондарина, И. Фейберга, А. Ромма, Г. Гайдовского, Л. Аргутинской в военной форме и во фронтовых условиях[8].

Довольно много публикуется стихов и статей, посвященных стихотворному творчеству. Они интересны и сами по себе, и как свидетельство времени — что из фронтового творчества пользовалось наибольшей популярностью.

Хочется отметить здесь очерк А. Гурвич «Военный корреспондент А. Гайдар»[9]. Гайдар погиб в октябре 1941 г. Очерк мало что добавляет к тому, что мы знаем об этом человеке, но важна память о нем коллег-писателей, отдающих Гайдару профессиональный и человеческий долг.

Теплые воспоминания об Илье Ильфе, своем соавторе и друге, умершем в 1937 г., написал другой военный корреспондент Евгений Петров[10]. В 1920—1930-е гг. И. Ильф и Е. Петров были очень популярными сатириками, работали в «Правде». В начале войны главный редактор журнала «Огонек» Е. Петров стал корреспондентом «Правды», «Красной Звезды». Через три месяца после публикации об И. Ильфе, в начале июля 1942 г. Е. Петров возвращался в Москву из командировки в Севастополь. Самолет, на котором он летел, был сбит. В газете «Литература и искусство» о нем написал К. Симонов[11]. Эти наспех, в условиях войны и спешки, написанные строки и взятые из дневников малозначительные эпизоды, впечатления, разговоры делают теплее казенную газетную полосу.

---

[6] *Попов В.* Боевая частушка // Литературная газета. 1941. 7 сент. № 37. С. 4.

[7] Литературная газета. 1941. 30 июля. № 30. С. 2.

[8] Там же. 24 сент. № 38; 1 окт. № 39; 15 окт. № 41.

[9] См.: *Гурвич А.*. Военный корреспондент А. Гайдар // Литературная газета. 1941. 15 окт. № 41.

[10] См.: *Петров Е.*. Из воспоминаний об Ильфе // Литература и искусство. 1942. 18 апр. № 16.

[11] См.: *Симонов К.* Военный корреспондент // Литература и искусство. 1942. 11 июля. № 28.

Примером же сухих бюрократических публикаций может служить заметка «Писатель в дивизионной газете»[12]. Военная комиссия Союза писателей 19 мая 1942 г. заслушала отчетные доклады двух писателей-фронтовиков. А. Кушниров работал в дивизионной газете “Доблесть” Западного фронта, П. Капицын — в краснофлотской газете. «Бывает так, что писателю приходится в газете делать все, <...> уметь написать не только очерк, рассказ или стих, но и передовую, и воззвание, приказ и лозунг, а если понадобится, пересказать грамотным, выразительным языком весь газетный материал — от “шапки” до последней заметки». Так описаны особенности работы фронтовых журналистов. Военная комиссия отметила «ценность» работы писателей и выразила пожелание «творчески оформить» накопленный на фронте «материал», как будто это была командировка в колхоз для освещения уборки урожая.

Тему «Писатели на войне» продолжит и газета «Литература и искусство». В первые месяцы войны она особенно важна была для читателей, товарищей по цеху. А 5 мая 1945 г. в «Литературной газете» А. Сурков[13] будет вспоминать, как писатели получали назначения в отделе печати Политуправления Красной армии вечером 22 июня 1941 г. Он перечислит тех, кто ушел в армию, скажет добрые слова о тех, кто писал, о тех, кто погиб.

«Душеприказчик солдатской души»: как писать о войне?

Зачем вообще в годы войны нужна была ведомственная литературная газета? Литература как сфера творческая и идеологическая одновременно нуждалась в площадке для обсуждения профессиональных проблем, да и партийное руководство через ведомственную газету было легче осуществлять. Всенародная и очень драматичная война была исключительным событием для советских писателей. Участвовать, помогать борьбе, описывать впечатления очевидцев, отражать драматичную борьбу народа — множество задач решали писатели. Большинство из них понимали, что война — исключительно важное событие для их творческой биографии. Поэтому тема «Писатели на войне», с первых дней войны начатая в «Литературной газете», была продолжена в газете «Литература и искусство».

В газете «Литература и искусство» в январе 1942 г. появилась заметка Ц. Солодаря с Западного фронта под названием «Грозный смех». В ней подробно рассмотрена сатирическая поэзия, которая пользовалась огромной популярностью у солдат и быстро развивалась в первые месяцы войны. Он пишет о новых «героях» фронто-

[12] Писатель в дивизионной газете // Литература и искусство. 1942. 23 мая. № 21.
[13] *Сурков А.* На дорогах войны // Литературная газета. 1945. 5 мая. № 19.

вой прессы: «...еще несколько месяцев назад были сомнения в том, нужны ли во фронтовой печати “веселые уголки”. Теперь мы стали свидетелями бурного притока в эти “уголки” красноармейских материалов». На Западном фронте уже вышло 5 номеров журнала “Фронтовой юмор”. Особенно в большом ходу на фронте веселые раешники и лубки о смекалке русского бойца... Основной персонаж этого жанра — смышленый, сноровистый, крепкий боец, умеющий в самую тяжелую минуту хитроумно изловчиться и выйти победителем в стычке с врагом... Факт из боевой жизни зачастую переплетается здесь с домыслом и фантазией... На фронте любят не только смельчака, но и весельчака. Вернее, смельчака любят больше, если он к тому же и весельчак. Ц. Солодарь называет героев: Гриша Танкин, Иван Хватов, Сеня Пулькин, Никита Штык и др. Об их подвигах поэты-фронтовики рассказывают, используя устное красноармейское творчество и письма. «Грише Танкину принадлежит ряд прибауток, получивших распространение по всему фронту:

Что такое? Вас ист дас?
Дас ист в плен мы взяли вас.

Что же делает Гриша Танкин, о котором уже напечатано около 50 стихотворных рассказов? Он, во-первых, и главным образом, нещадно бьет в любом положении немцев. Во-вторых, ...отсталых подтягивает. Он разоблачает враля, “прорабатывает” шептуна, корит нерадивого стрелка. В-третьих, беседует с друзьями... о том, что не так страшен черт, как его малюют. Есть беседа про немецкую пехоту, про немецкие танки, про разведку, про длинные уши и длинный язык. И <...> в последнее время Гриша Танкин стал получать столько писем, что у него завязалась переписка с друзьями. На одном из участков Западного фронта живет и здравствует Иван Хватов (основной автор — ленинградский поэт Николай Щербаков). Группа ростовских поэтов (Анатолий Сафронов, Григорий Кац и др) выступают от имени бойца Андрея Ястребка. На Ленинградском фронте живет и здравствует Вася Теркин, знакомый бойцам еще по войне с белофиннами... Жизнерадостность, острый народный ум, неистощимая воинская сметка, фантазия, могучий боевой дух дружбы, братства. Собирательный яркий образ храброго, смекалистого, веселого советского воина. Смех смелых людей, становящихся грозою для немецких фашистов»[14].

Солодарь называет отличительные черты фронтовой сатиры, принимающей подчас форму народного стихотворного лубка — этого своеобразного сплава народного творчества и профессиональной работы поэтов. Это: частушечно-песенный ритм, иногда

[14] *Солодарь Ц.* Грозный смех // Литература и искусство. 1942. 19 янв. № 3.

скороговорка, обилие поговорок, прибауток, народных метких словечек.

Алексей Сурков опубликовал в мае 1942 г. стихотворения, посвященные Константину Симонову и Николаю Тихонову[15]. Их дружба, закаленная фронтовыми испытаниями и общими переживаниями, названа там дружбой «тверже стали». И когда «все кругом подряд косила войны железная коса» «любви и ненависти сила сливала наши голоса». И, «если найдет меня пуля», Сурков просил написать друзьям, «что кончил не плохо веселый бродяга, душеприказчик солдатской души». Сурков точно определил то, что считали для себя самым важным многие писатели на войне — рассказать о «солдатской душе», о подвиге народа.

В 1943 г. газета «Литература и искусство» опубликовала отчеты о нескольких очень показательных и интересных дискуссиях. В марте были присуждены Сталинские премии в области искусства и литературы за 1942 г. Поэтому в газете, помимо обычной в таких случае публикации списка награжденных и их портретов, прошло несколько серьезных дискуссий о произведениях, написанных в годы войны и о войне. Начало обсуждению этой темы положила статья В. Кожевникова. В статье называются пьеса А. Корнейчука «Фронт», рассказ К. Симонова «Третий адъютант», повести Б. Горбатова «Письма к товарищу» и В. Гроссмана «Народ бессмертен». В. Кожевников рассматривает, как именно создается образ советского воина, высоко оценивая повести Гроссмана и Горбатова. «Письма к товарищу» — лирика проникновенная, чистая и взволнованная, которую хочется произносить как молитву». Но высказывается и общее замечание: мало сделано для создания «правильного» образа командира. Рисуется или бесстрашный человек, ведущий на смертельную опасность, или холодный интеллектуал, решающий задачу боя как шахматную задачу. Командир должен воспитывать людей своими словами и поступками, его положительный образ должен быть глубоким и убедительным[16].

Обсуждение новых произведений о войне продолжалось и на творческом совещании писателей Москвы в апреле 1943 г. Наиболее интересно в ряду этих публикаций выступление И. Эренбурга. Он говорит, что довоенным «литературным бытом» повеяло от докладов, нападает на литературных функционеров, называя их «страшной помесью парнасца с чиновником» спрашивая, что это: «олимп или канцелярия?» Эренбург напоминает о задаче писателей — «поставка душевных боеприпасов фронту». Он говорит: «...я и в мирное время был убежден, что писатель не может искать свою тему

[15] Литература и искусство. 1942. 23 мая. № 21.

[16] См.: *Кожевников В.* Главная тема // Литература и искусство. 1943. 21 марта. № 12.

как ищут в лесу грибы. Писатель должен заболеть, переболеть своей темой... Неуместны разговоры о том, что дала война писателю. Сердце жжет другое: что дали писатели войне?» Целый ряд творческих и человеческих проблем, с которыми сталкиваются писатели-фронтовики, поднимает И. Эренбург. «Война без ненависти безнравственна, как сожительство без любви. Война — преступление, накал ненависти и самозабвенной любви. Когда война становится бытом, она умирает. Войну... (нельзя описывать как) ...учебу ударника или свадьбу в колхозе. Враг еще силен, война продолжается — страшная, невиданная в истории. Как прежде, дело идет о жизни или смерти России. Как прежде, долг писателя — раздувать огонь негодования, тревоги, жертвенности. ...Не следует спешить с осуждением писателей, работающих в армейской печати, даже если попадаются у них слабые вещи. Я видел, в каких условиях работают сотрудники армейских газет. Изба или землянка, люди, коптилка. Нужно написать о минометчике через два часа. Да и корреспондентам центральных газет нелегко. Гроссман или Габрилович вчера приехали с фронта, завтра уезжают. Книги пишутся урывками. Я думаю, что у Гроссмана было меньше времени на свою повесть ("Народ бессмертен". — *О.М.*), чем у его критика... Писатель наедине со своей совестью. Он воюет как одинокий партизан. Он может погибнуть. Он не может пересидеть войну. Он не может откупиться рассказом, "откликом", строками "на случай". Пересидеть войну — это пересидеть себя. Сейчас один критерий — это нужно войне. А "Войну и мир" напишут потом»[17].

Эренбург имел моральное право так говорить. Антифашистская тема — ведущая в его творчестве. В годы войны он стал всенародным любимцем. Он работал очень много и напряженно — писал статьи, памфлеты для «Красной Звезды» и других газет, выступал по радио, выезжал на фронт, готовил статьи в Совинформбюро для зарубежной прессы о войне. В следующих номерах газеты сразу несколько критиков отвечают И. Эренбургу. В. Шкловский считает, что «вина» Эренбурга в том, что «у него нет спокойствия дыхания, необходимого для длительной войны», Симонов «повторяет сам себя», Твардовский рисует Теркина — героя Гражданской войны, а не отечественной. П. Антокольский называет «аскетизмом» и ссылкой на трудности отказ Эренбурга от написания больших произведений в годы войны[18]. Он же через несколько недель будет критиковать фронтовые стихи А. Суркова.

Любопытную точку зрения высказывает И. Уткин в споре о лирике Симонова. Он пишет: «...под видом спора с поэтом спорят с читателем... Успех его стихов — в интересе к вопросам любви,

[17] *Эренбург И.* Писатель на войне // Литература и искусство. 1943. 3 апр. № 14.
[18] Литература и искусство. 1943. 10 апр. № 15.

личным вопросам, оттого что советские поэты “зажмуривались”, вопросы эти существовать не перестали. Во время войны они невероятно возросли. Характерна для поэзии войны проблема “солдатской души”. Тема верности, национального осознания, братства»[19].

Конечно, советские журналистика и литература, не лишенные ханжества, «зажмуривались» на многие личные, действительно волнующие человека темы. Интересы читателей стояли на самом последнем месте, далеко позади набивших оскомину идеологических догм. Однако «литературные канцеляристы»-критики никогда не признавались в этом просчете выверенной с линейкой «правильной» советской идеологической концепции.

Итоги совещания литераторов подводились в передовой статье в конце апреля 1943 г. Много совершенно пустых, никчемных слов сказано в ней о том, что критика в обстановке войны должна стать средством идейной пропаганды, оружием духовного воспитания народа, что нужно «не умиления и благодушия требовать», а «подлинной» (?) верности «принципу анализа произведений искусства»[20]. Тема «подлинной» литературной критики занимала значительное место и в закрытых партийных документах 1943—1946 гг. о руководстве литературой.

В какой-то степени от имени писателей-фронтовиков ответил литературным функционерам Б. Горбатов в статье «Фронтовому журналисту». Он написал: «Когда после этого (того, как побываешь в освобожденных районах. — *О.М.*) читаешь иные очерки и корреспонденции, <...> где о муках народа рассказывается так же вяло, безжизненно и казенно, как о сборе утиля, в тебе рождается чувство обиды за кровь народа, чувство досады на слишком спокойного журналиста... Чего ждет от нас, журналистов, народ? Правды. Только правды. Нас, военных корреспондентов, судьба поставила свидетелями и участниками великой битвы. Мы многое видим. Мы многое знаем... И у нас сердце при виде немецких зверств обливается кровью и благородная ненависть неугасимо горит в душе. Отчего же часто пишем мы рыбьими словами с рыбьим спокойствием и равнодушием? ...Я много видел людского горя. И когда я сижу и пишу об этом, я сам чувствую: жалки мои слова... мой язык беден и талант мал, и мое искусство немощно. Мы много, хотя и недостаточно, пишем о немецких зверствах... Только немцы умеют мирные слова наполнить ужасом, только немцы умеют все превратить в застенок... Давайте <...> рассказывать ярче, талантливее и беспощаднее правду о немцах, о зверях, которых во имя гуманности надо уничтожить. Пусть душа журналиста, перепол-

[19] *Уткин И.* Писатель и чувство народа // Литература и искусство. 1943. 17 апр. № 16.

[20] Литература и искусство. 1943. 24 апр. № 17.

ненная ненавистью к врагу, подскажет нам огненные слова, слова-бичи, слова-снаряды. Чтоб били они по врагу, чтоб сжигали, испепеляли врага, чтоб как набат гремели они. Нельзя, невозможно успокаиваться»[21].

Своевременными, интересными и с позиций нынешнего дня представляются дискуссии о месте писателя на войне. Патриотизм, гражданская зрелость, личное мужество и любовь к Родине и народу — без этого сплава не было бы военных журналистов. Публицистика военных лет особняком стоит в истории советской журналистики. Да, цензура и давление партийных руководителей на прессу были не меньше, а больше, чем в мирное время. Но эти произведения написаны не из конъюнктурных соображений, а по велению души. То, что нельзя было — не писали, оставили до лучших времен, но то, что попадало на газетную полосу, написано честно и с болью за людей. На передовую шли за подлинными фактами, масштаб бедствия народа вызывал творческие сомнения: хватило ли таланта, мастерства это отразить.

Выпуск «Литературной газеты» был возобновлен 7 ноября 1944 г. В первом номере газеты была опубликована анкета «Что я читал во время войны»[22]. В ответах названы статьи И. Эренбурга, повести А. Бека «Волоколамское шоссе», Л. Соболева «Морская душа», Б. Горбатова «Непокоренные». Поэма М. Алигер «Зоя» тоже участвует в дискуссии критиков и писателей о качестве военной литературы. Читатели сказали свое слово в этом вопросе.

Тема качества военной литературы продолжена и в статье Н. Тихонова «Боевая перекличка» о поэзии в годы войны в том же номере. Он пишет: «многое из написанного за время войны не удержится в памяти, многое написано слишком поверхностно, слишком поспешно, но всеобщий жадный интерес к стихотворному слову не ослабевает. Перо действительно должно быть приравнено к штыку, и поэтическое слово сопровождало полки. В самой жизни нашей столько удивительного, что простые газетные сообщения звучат величественно, как героическая эпопея... Пусть слова и строки будут несовершенны. Они подхватывались массами, жаждавшими искреннего, простого слова»[23].

Эренбург поставил точку в этой дискуссии «фронтовиков» и «литературных критиков» в статье «Заметки писателя». Он написал о том, что, безусловно, не хотели видеть и помнить сторонники чисто цехового литературного подхода: «Мы еще не научились как следует уважать друзей; в наших редакциях, в наших клубах

[21] *Горбатов Б.* Фронтовому журналисту // Литература и искусство. 1943. 8 мая. № 19. С. 1.

[22] Литературная газета. 1944. 7 нояб . № 1. С. 4.

[23] *Тихонов Н.* Боевая перекличка // Литературная газета. 1944. 7 нояб. № 1. С. 3.

еще не висят портреты писателей, отдавших свою жизнь за Родину. Мы много занимаемся неудачными книгами и слишком мало говорим о безукоризненных биографиях писателей, которые в страшные дни лета 1941 г. поспешили на поле брани и погибли, не увидев первых проблесков торжества... Русские писатели разделили судьбу народа; под бомбежками писали очерки, статьи, листовки, в трудные дни отступления сочиняли бодрые песни; многие три года работают, забыв про кресло и про чернильницу»[24].

Еще один важный аспект работы журналиста на войне — зафиксировать свои впечатления участника войны, свидетельство очевидца. Многие известные писатели всю войну провели на фронте. Часто появлялось на страницах и «Литературной газеты», и «Литературы и искусства» имя Всеволода Вишневского. Он в качестве корреспондента центральных газет работал в блокадном Ленинграде, на Балтийском флоте, видел штурм Берлина, освещал Нюрнбергский процесс. Свою задачу — сохранить и донести до внуков впечатления участника исторических событий, — он выполнил добросовестно, не щадя здоровья и жизни.

«Литературная газета» в мае 1945 г. под общим заголовком «Советская литература в 1944—1945 гг.» опубликовала две полосы материалов Пленума правления Союза писателей[25]. Доклад делал Н. Тихонов и затем этот доклад, как обычно, обсуждался в нескольких номерах газеты. Собственно, в этих выступлениях и докладе повторялись уже высказанные соображения с обеих сторон: и со стороны «критиков», и со стороны писателей-фронтовиков, если можно так условно поделить участников спора. На самом деле спор шел о том, как в дальнейшем писать о войне, какой образ войны будет донесен до потомков: парадный, помпезно-героический или этот образ сложится из страданий и подвига конкретного человека. О. Берггольц написала тогда: «Я не считаю, что мы должны писать только об исключительных подвигах и героях типа Зои или Матросова, что будто бы нет средних и обыкновенных людей... Отечественная война отличалась еще и тем, что в ней отсутствовали так называемые “серые герои”. Люди отлично понимали, что они делали, чем они жертвовали, какой подвиг они совершили... Воспеть победу — это воспеть путь к ней...»[26]. Однако этот спор продолжился и в послевоенный период. Документально-исторические «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, «У войны не женское лицо» С. Алексиевич с трудом пробивались через цензурные «окопы» 1980-х гг.

---

[24] *Эренбург И.* Заметки писателя // Литературная газета. 1944. 7 нояб. № 1. С. 3.
[25] Литературная газета. 1945. 17 мая. № 21. С. 2—3.
[26] *Берггольц О.* Путь к зрелости // Литературная газета. 1945. 26 мая. С. 3.

После возобновления «Литературную газету» возглавил А. Сурков. Он был главным редактором газеты в 1944—1946 гг. Сурков пишет в первом номере в статье «Предчувствие победы»: «...перелистываю сборники стихов моих товарищей советских поэтов. Перелистываю, как страницы своей памяти... возрастает горделивое чувство — в самые трудные дни мы были вместе с народом, мы слышали голос его сердца, мы сохранили этот голос для истории и для человечества. Будущие летописцы наших великих дней не пройдут мимо строк, написанных под гром орудийной канонады»[27].

Советская печать в годы войны была поставлена в особые условия. С одной стороны, цензурное и партийно-идеологическое давление. С другой — драматизм разворачивающейся войны был решающим фактором, влияющим на творчество. Журналисты и писатели-фронтовики в годы войны заметно росли в профессиональном отношении, приобретали всенародную популярность и любовь, а главное — ясно понимали свой долг перед воюющим народом.

Но «литературная канцелярия», по меткому выражению Эренбурга, лучше понимала тенденции момента. Партийная власть была озабочена усилением контроля за содержанием и качеством «литературного труда».

Опубликованные архивные документы показывают, что писательская среда находилась под особым контролем спецслужб. Отслеживались настроения, разговоры. Конечно, сложно доверять такого рода документам, всегда есть подозрение, что это сфабрикованные сведения или донос. В сообщении Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов»[28] такая цитата кажется достаточно правдоподобной. А.Э. Колбановский, сотрудник редакции «Последних известий» Радиокомитета говорит: «Наша пропаганда тупа и бездарна. Я не могу без злобы читать то, что пишется в газетах, сводки Информбюро, то, что мы передаем по радио. Это все стандартная, глупая, противная ложь... Я устал от этой вечной лжи, от этого давления сверху, от этих бездарных, тупых идиотов — цензоров и политредакторов, которые убивают живую мысль, заставляют глупо и тупо лгать по стандарту».

По архивным документам видно, что писатели высказывали недовольство тем, как была организована их эвакуация, как налаживалась там жизнь. Собственно поэтому и появился отчет А.А. Фадеева об эвакуации, упоминавшийся выше. Отчетливо видно, что

[27] *Сурков А.* Предчувствие победы // Литературная газета. 1944. 7 нояб. № 1. С. 3.

[28] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 487—499.

контроль за писательской средой был очень бдительным в годы войны. В сообщении управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов»[29] оценки военной и политической ситуации в стране некоторых, замечу, довольно известных писателей, сопровождаются характеристиками их взглядов и эпизодами из биографий. В справке упомянуты М. Светлов, К. Тренев, А. Новиков-Прибой, К. Чуковский, К. Федин, Б. Пастернак. Конечно, содержание подобного рода документов нужно воспринимать с некоторой долей осторожности, имея в виду печально известную практику фабрикации и фальсификации «политических» дел. Наряду с жалобами на голод, холод и неустроенность, переживания по поводу военных неудач, встречаются и жалобы на строгости цензуры, размышления о тоталитарном строе, тяжелом положении народа. Понятно, что такого рода документы способствовали тому, что партийное руководство страны усиливало цензурный контроль и пыталось с помощью ведомственной газеты воздействовать на писательскую среду, создавая «стерильное», «правильное» в идеологическом плане представление о жизни и работе советских литераторов в годы войны.

О контроле за писателями говорит и еще один документ. В секретном письме Д. А. Поликарпов, оргсекретарь Правления Союза писателей информирует члена Политбюро Г. М. Маленкова о Пленуме правления Союза советских писателей, который состоялся в февраля 1944 г. Он пишет, что некоторые участники Пленума остро ставили вопрос о повышении ответственности писателя перед народом за свою работу в условиях Отечественной войны. А. Сурков, например, резко критиковал тех, кто бездельничает, не помогает народу в войне. С. Кирсанов «в выступлении на Пленуме, отражая настроения многих писателей, работающих во фронтовой печати, считает, что писателей используют неправильно, заставляя работать в армейских газетах, так как это будто бы превращает писателей в обычных газетных репортеров, лишая их возможности заниматься литературным творчеством. Следует отметить, что желание уйти от работы во фронтовой печати распространено среди многих писателей на фронте. В президиум Союза обращаются с просьбами о том, чтобы Союз добивался в Главном Политуправлении Красной Армии творческих отпусков для писателей»[30]. Такого рода «настроения» не обнародовались в советское время, они бросали тень на членов Союза писателей, незаслуженно обижая тех, кто не

[29] Там же.

[30] Д.А. Поликарпов — Г.М. Маленкову // «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 109.

просился с фронта. И хотелось бы привести высказывание Б. Полевого[31], который писал: «Я думаю о работе военного корреспондента как о лучшей поре моей жизни».

Однако более важной для партийных чиновников проблемой было то, что на Пленуме «докладчик не заострил внимание... на политически вредных явлениях в литературе», первой в ряду вредных вещей была названа «пошлая повесть» Зощенко. В партийных структурах уже шел процесс подготовки скандально известного Постановления ЦК ВКП (б) «О литературных журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятого в августе 1946 г.

По публикациям в «Литературе и искусстве» и «Литературной газете» в 1943—1944 гг. видно, что литературной сферой недовольны власти. И говоря о дискуссии по поводу того, как надо писать о войне, надо иметь ввиду эти скрытые от читателей процессы.

Список литературы

Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.

Поступила в редакцию
12.01.2011

[31] История русской советской литературы. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 464.